

Хан и его сын — эпизод 1 из 2

"Был в Крыму хан Мосолайма эль Асваб, и был у него сын Толайк Алгалла..."
Голос слепого нищего был слаб и дрожал, а каменное лицо его не отражало в своих морщинах ничего, кроме покоя; заученные слова лились одно за другим, и пред слушателями вставала картина прошлых, богатых силой чувства, дней.
"Хан был стар, -- говорил слепой, -- но женщин в гареме было много у него. И они любили старика, потому что в нём было ещё довольно силы и огня и ласки его нежили и жгли, а женщины всегда будут любить того, кто умеет сильно ласкать, хотя бы и был он сед, хотя бы и в морщинах было лицо его -- в силе красота, а не в нежной коже и румянце щёк.

Хана все любили, а он любил одну казачку-полонянку из днепровских степей и всегда ласкал её охотнее, чем других женщин гарема, где было триста жён из разных земель, и все они красивы, как весенние цветы, и всем им жилось хорошо. Много вкусных и сладких яств велел готовить для них хан и позволял им всегда, когда они захотят, танцевать, играть...

Хорошо было ему это, и вот он, желая показать сыну силу любви своей, сказал ему при всех мурзах и беках, -- тут, на пиру, с чашей в руке, сказал:

-- Добрый ты сын, Алгалла! Слава аллаху, и да будет прославлено имя пророка его!

И все прославили имя пророка хором могучих голосов. Тогда хан сказал:

-- Велик аллах! Ещё при жизни моей он воскресил мою юность в храбром сыне моём, и вот вижу я старыми глазами, что, когда скроется от них солнце -- и когда черви источат мне сердце, -- жив буду я в сыне моём! Велик аллах и Магомет, пророк его! Хороший сын у меня есть, тверда его рука и ясен ум...
Что хочешь ты взять из рук отца твоего, Алгалла? Скажи, и я дам тебе всё по твоему желанию...

И не замер ещё голос хана-старика, как поднялся Толайк Алгалла и сказал, сверкнув глазами, чёрными, как море ночью, и горящими, как очи горного орла:

-- Дай мне русскую полонянку, повелитель-отец.

Помолчал хан -- мало помолчал, столько времени, сколько надо, чтобы подавить дрожь в сердце, -- и, помолчав, твёрдо и громко сказал:

-- Бери! Кончим пир, -- ты возмёшь её.

Вспыхнул удалой Алгалла, великой радостью сверкнули орлиные очи, встал он во весь рост и сказал отцу-хану:

-- Знаю я, чт'о ты мне даришь, повелитель-отец! Знаю это я... Раб я твой -- твой сын.

Возьми мою кровь по капле в час -- двадцатью смертями я умру за тебя!

-- Не надо мне ничего! -- сказал хан, и поникла на грудь его седая голова, увенчанная славой долгих лет многих подвигов.

Скоро они кончили пир, и оба молча, рядом друг другом пошли из дворца в гарем.

Ночь была тёмная, ни звёзд, ни луны не было видно из-за туч, густым ковром покрывших небо.

Долго шли во тьме отец и сын, и вот заговорил хан эль Асваб:

-- Гаснет день ото дня жизнь моя -- и всё слабее бьётся моё старое сердце, всё меньше огня в груди. Светом и теплом моей жизни были знойные ласки казачки... Скажи мне, Толайк, скажи, неужели она так нужна тебе? Возьми сто, возьми всех моих жён за одну её!..

Молчал Толайк Алгалла, вздыхая.

-- Сколько дней мне осталось? Мало дней у меня на земле... Последняя радость жизни моей -- эта русская девушка. Она знает меня, она любит меня, -- кто теперь, когда её не будет, полюбит меня, старика, -- кто? Ни одна из всех, ни одна, Алгалла!..

Молчал Алгалла...

-- Как я буду жить, зная, что ты обнимаешь её, что тебя целует она? Перед женщиной нет ни отца, ни сына, Толайк! Перед женщиной все мы -- мужчины, мой сын... Больно будет мне доживать мои дни... Пусть бы все старые раны открылись на теле моём, Толайк, и точили бы кровь мою, пусть бы я лучше не пережил этой ночи, мой сын!

Молчал его сын... Остановились они у двери гарема и, опустив на груди головы, стояли долго перед ней. Тьма была кругом, и облака бежали в небе, а ветер, потрясая деревья, точно пел, шумел деревьями...

-- Давно я люблю её, отец... -- тихо сказал Алгалла.

-- Знаю... И знаю, что она не любит тебя... -- сказал хан.

-- Рвётся сердце моё, когда я думаю про неё.

-- А моё старое сердце чем полно теперь?

И снова замолчали. Вздохнул Алгалла.

-- Мудрость не лекарство от боли сердца, -- сказал хан.

-- Пожалеем друг друга, отец...

Поднял голову хан и грустно поглядел на сына.

-- Убьём её, -- сказал Толайк.

-- Ты любишь себя больше, чем её и меня, -- подумав, тихо молвил хан.

-- Ведь и ты тоже.

И опять они помолчали.

-- Да! И я тоже, -- грустно сказал хан. От горя он сделался ребёнком.

-- Что же, -- убьём?

-- Не могу я отдать её тебе, не могу, -- сказал хан.

-- И я не могу больше терпеть -- вырви у меня сердце или дай мне её...

Хан молчал.

-- Бросим её в море с горы.

-- Бросим её в море с горы, -- повторил хан слова сына, как эхо сынова голоса.

-- Поцелуй меня, орёл!

-- Собирайся... пойдёшь с нами, -- тихо сказал хан.

Тут она увидела Алгаллу и слёзы на очах своего орла и -- умная она была -- поняла всё.

-- Иду, -- сказала она. -- Иду. Ни тому, ни другому -- так решили? Так и должны решать сильные сердцем. Иду.

И молча они, все трое, пошли к морю. Узкими тропинками шли, ветер шумел, гулко шумел...

Нежная она была девушка, скоро устала, но и горда была -- не хотела сказать им этого.

И, когда сын хана заметил, что она отстаёт от них, -- сказал он ей:

-- Боишься?

Она блеснула глазами на него и показала ему окровавленную ногу...

-- Дай понесу тебя! -- сказал Алгалла, протягивая к ней руки. Но она обняла шею своего старого орла.